

К Р О К О Д И Л

Рис. Ю. Ганфа

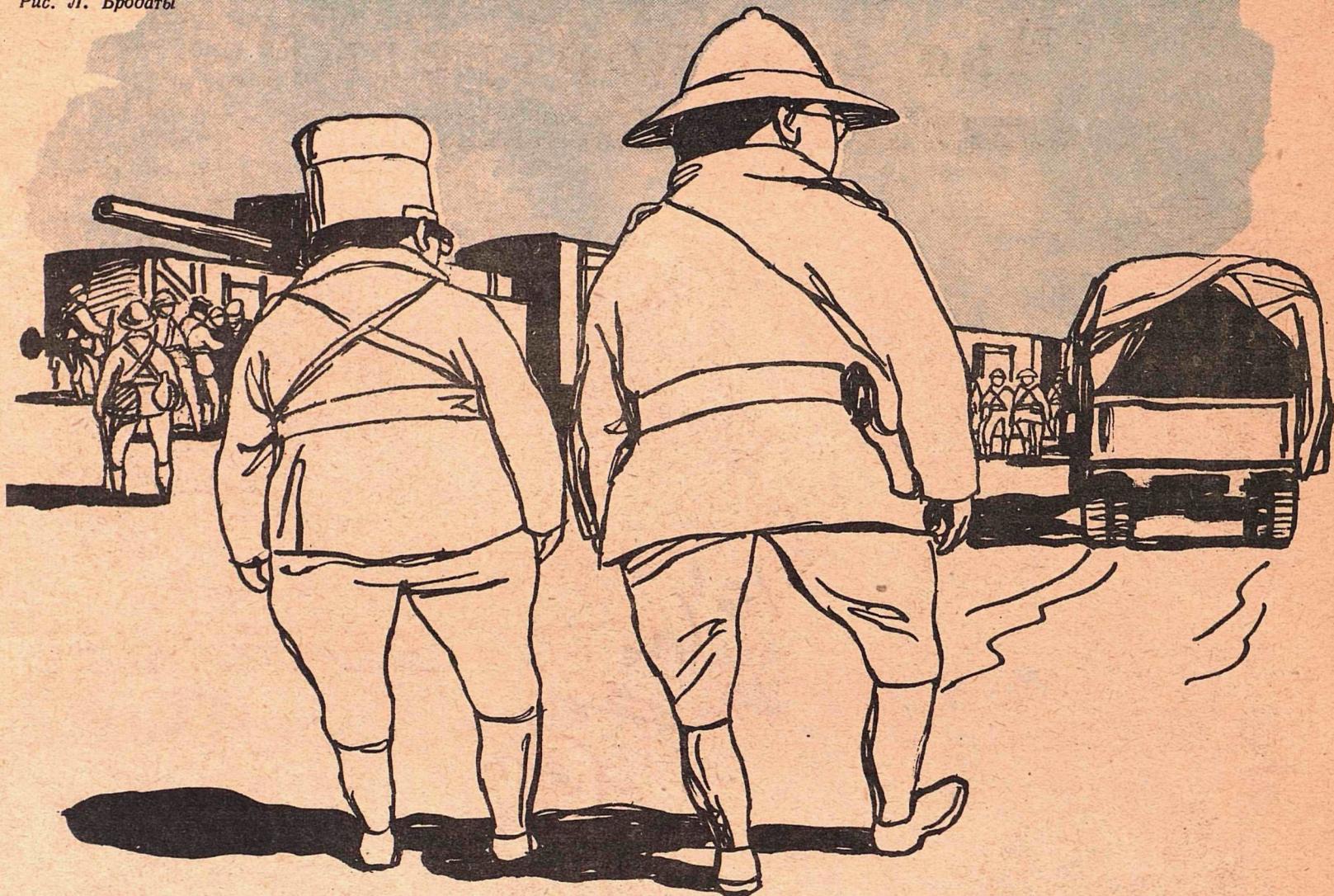

Деляга-хозяйственник... готов накопить у себя впрок непомерно раздутые запасы материалов, оборудования, хотя и знает, что этим лишает другие предприятия возможности иметь нормальный запас.

(„Правда“ от 13 октября 1940 г.)

На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало.

(Н. В. Гоголь „Мертвые души“, гл. VI.)

— Почему вы волнуетесь, полковник? Ведь Наньин оставлен нами по стратегическим соображениям.
— Да, но соображали-то не мы, а китайцы.

На всякий час ума не напасешься

ДАВЕЧА еду в автобусе.

Довольно тесно. Но стоять можно: с ног не валят. Рядом со мной стоит престарелый гражданин с портфелем. А рядом с ним престарелая дама с чемоданчиком.

Они стоят безропотно. Особенно независимо стоит престарелый пражданин. Что касается дамы, то она, видать, устала стоять, и по временам она с тоской взирает на сидящих, ожидая, не уступят ли ей местенка. Тем более, что качка изрядная и ее престарелые ноги не справляются с неожиданностями пути.

Но пассажиры не реагируют на ее взоры. И только один из них, обратившись к ней, говорит:

— Через три остановки я, мамаша, сойду и тогда сядете на мое место—просьба обождать. Я бы и сейчас вам уступил, но войдите в мое положение: у меня пузыри на ногах—стоять трудно.

«Мамаша» с благодарностью кивает головой, но при этом замечает, что и ей через три остановки тоже надо сойти.

— Как хотите,—говорит пассажир,—не смею вас задерживать.

Вдруг на остановке в автобус входит еще новая партия пассажиров. И среди них небольшой парнишка лет двенадцати.

Он едет самостоятельно, один. Смело входит в автобус. Сразу пропискивается вперед. И начинает с интересом следить за действиями шофера.

Пассажир, у которого пузыри на ногах, неожиданно встает со своего места и, вежливо поклонившись ребенку, говорит:

— Садитесь, молодой товарищ. Мальчугану, видать, не особенно хочется сидеть. Ему интересней наблюдать, как шофер вертит крутом. Однако послушный голосу взрослого, он садится на его место.

Престарелая дама говорит:
— Лучше бы вы мне место уступили чем мальчугану, который может пятьсот километров стоя проехать и ему от этого худо не будет.

Пассажир, уступивший место, говорит:
— Ничего не поделаешь, мамаша. Детей надо уважать, и к ним надо почтительно относиться. Они нам смена.

Престарелый пассажир с портфелем говорит:
— Об этом никто не спорит. Детей надо уважать. Но и портить их не надо.

Который с пузырями говорит:
— А чем же я их порчу? Что вы на меня навалились?

Престарелый пассажир говорит:
— Детей надо так воспитывать, чтоб они место старым людям уступали. Не надо из них оранжевые цветочки делать.

Еще одна женщина говорит:
— Между прочим, я так своих детей и воспитываю. Мои дети и дверь откроют, если звонок звонит. И тарелку принесут взрослому, если это ему надо.

Еще кто-то произносит:
— Сам на пузырях стоит, а здоровому парнишке место уступил. А парнишка и местом не интересуется: звон сидит, как на шиле вертится и подскакивает. Ясно, это не надо было делать. Крошечному ребенку следует место

уступить. А такому, когда и давки-то нет,—это перегиб.

Который с пузырями говорит:
— А, пожалуй, я, действительно, допустил перегиб. Не сообразил, что данный ребенок— крупный и вроде подростка. Но линия у меня на уважение детей принципиально правильная. И она не расходится с общей тенденцией. С этой позиции вы меня не совете.

Пассажир с портфелем говорит:
— Позиция правильная и с общей тенденцией не расходится, но в данном случае разошлась.

С пузырями говорит:
— Убедили. Тоже ведь на всякий час ума не напасешься. Лучше бы я мамаше место уступил. А еще бы лучше сам остался сидеть. А то стою на пузырях и испытываю муки.

Тут мальчуган встает и говорит:
— Что вы мне велите сидеть? Я не хочу сидеть. Я хочу рядом с шофером стоять.

Тут пассажиры начинают смеяться. И говорят тому, у кого пузыри:

— Видите, какая допущена накладка. Мальчик принял вашу глупую любезность за приказание. И поэтому он сел. Теперь, будьте любезны, не садитесь, а пусть на это место сядет престарелая пражданка с чемоданчиком.

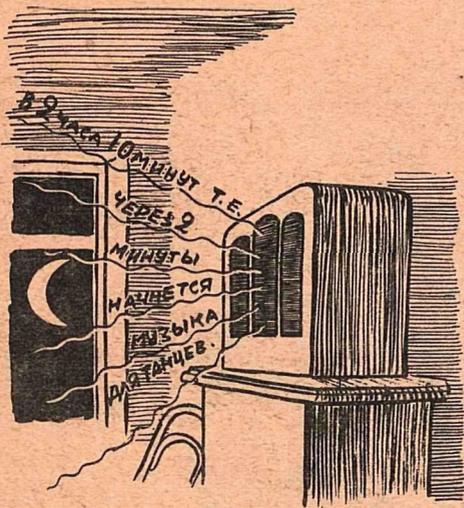
Та садится на это место. И пассажир с пузырями, расстроившись от всех этих дел, сходит с автобуса на своих полусогнутых. При чем сходит на одну остановку раньше, чем это ему было надо. И при этом бормочет: «На всякий час ума не напасешься».

М. ЗОЩЕНКО

Чьи это портреты?

Ниже мы помещаем несколько характерных портретов некоторых наших общих знакомых. За абсолютное сходство ручаемся.

Рис. И. Семенова

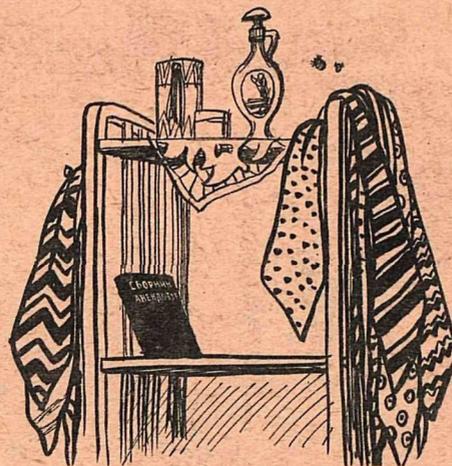
Портрет гр. Пересыпкина. Пусть читателей не смущает отсутствие его на рисунке. Гр. Пересыпкин ушел на вечеринку. Но он добрый человек: чтобы соседи по квартире не скучали, он оставил невыключенным радиоприемник.

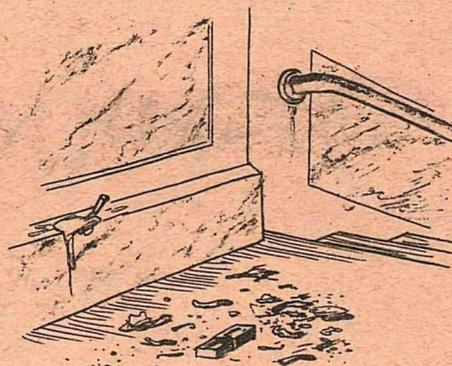
Портрет гр. Стуколкина, большого почитателя художественной литературы.

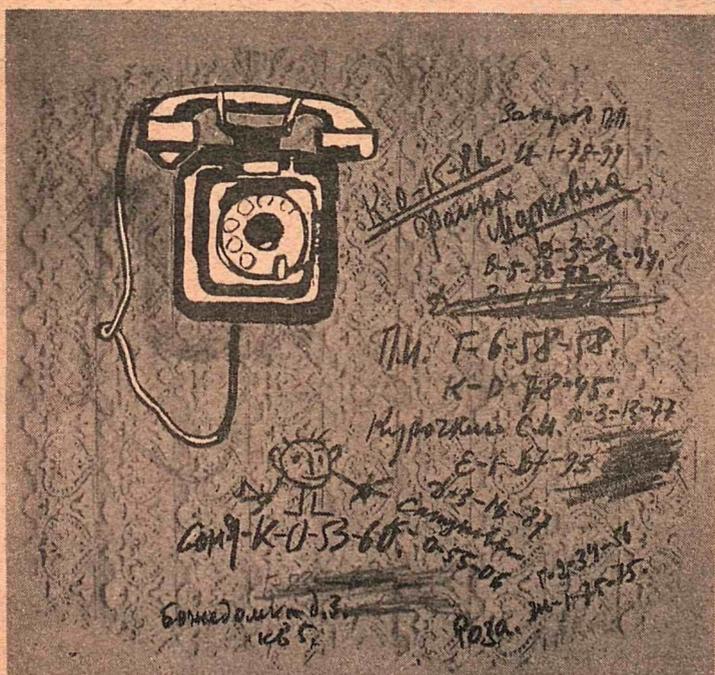
Портрет в натуральную величину гр. Безобразова, отца этой девочки.

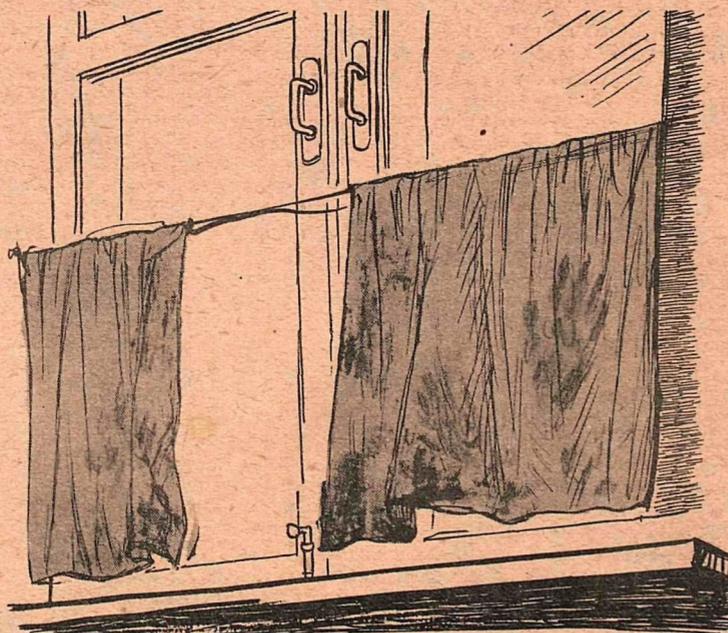
Портрет известного франта Васи Подмышкина. Как видит читатель, на его лице лежит печать большого интеллекта, внутреннего благородства и духовной красоты.

Портрет гр. Чуркина, напрасно поджидавшего на лестнице в течение двух часов свою знакомую.

Групповой портрет жильцов коммунальной квартиры № 17 дома № 3 по Пятисобачьему переулку.

Портрет Муры Лимонадовой, любовавшейся из окна клуба закатом солнца. Как видит читатель, ее переживания сильно отразились на занавесках.

— Еще в декабре прошлого года я спустил директиву об очистке тротуаров от льда. Прошел год — и что мы видим на сегодняшний день? Вчера я лично посетил ваш район и убедился, что мои указания не выполнены. Так, товарищи, нельзя работать!

Скучному другу

Друг на друга мы были похожи,
Изменились с недавней поры.
Были, правда, немного моложе,
Ну, а разве теперь мы стары?

Я еще горюлось неизменно,
На ветру моя годы горят.
Ты по улице ходишь степенно,
Даже палку завел, говорят.

Ветер больше не любишь: простуда.
Просыпаешься в десять утра.
Позабыл ты, должно быть, откуда
Нас земля поднимала вчера.

В беспокойстве была наша сила,
Ты покою себя посвятил.
Нас за юность страна полюбила,
Ты в привычку любовь превратил.

Тяжелее разлук наши встречи:
Не пробьется сквозь камень трава.
Почему в твоей медленной речи
Отделились от мыслей слова?

Я к тебе не поеду на дачу:
Стало скучно с тобою. Ей-ей,
Все большие мои неудачи
Лучше скорой удачи твоей.

У меня все, как раньше: дорога,
Комнатушка с окном на рассвет,
И давнишняя наша тревога,
Без которой и радости нет.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Гусев и Приходько

Мы сидели втроем. Мы — это Гусев, знатный тракторист юга, его жена, милотицкая, краснеющая при каждом слове женщина, и я.

Гусева не привлекали ни выставочные огни, ни оживление за столиками перед павильоном «Пиво». Он вздыхал тяжело и часто, и в каждом его слове была слышна горечь.

— Ну, что вы скажете, милый товарищ? — говорил он. — Как это все печально! Кто я такой?.. Грунечка, ты не обижайся, что я рассказываю товарищу про печальную мою жизнь. И с чего это все началось? Все с того, что я стал заниматься размышлениями.

«Водишь ты, Гусев, трактор, — говорил я себе. — Не всегда хорошо водишь, и нет такого, чтобы ты придумал хотя что-нибудь интересное для своего родного района и для собственного оправдания в жизни».

Есть на свете Стаханов, есть по нашей части Ангелина Павла, Борин есть, Ковардак есть, а Гусева нет. Очень я переживал, милый товарищ! Места не находил, ночи не спал, и все думал, и придумал, представьте себе, Гусев такое, что в районной газете появились моя фотокарточка и слова: «Равняйтесь по товарищу Гусеву». Что было! Что было! Какая тут слава про меня пошла! Что ни девка на селе, то невеста для Гусева. Грунечка, ты не обижайся, пожалуйста.

Вот, милый товарищ, какое положение! Ну, конечно, за интересную такую работу была мне назначена премия. Приезжаю я за премией в район, сам собою довольный и жизнью довольный, выдает мне председатель райисполкома премию: вечно пишущее перо, чернильный прибор на каменном фундаменте, шесть одинаковых галстуков — и говорит:

— Вы, Гусев, — хороший тракторист. У вас прямая дорога на Выставку, но только, извините, норма, говорит, ваша с большим походом перекрыта в соседнем районе трактором товарищем Приходько.

— Передайте этому самому Приходько, что у него кишка тонкая тягаться с Гусевым. Норма его будет бита.

Как было сказано, так было сделано. Ставлю я новый рекорд. Слезая с трактора, мне товарищи руки жмут, говорят хорошие слова.

Выходим мы на дорогу, направляемся передохнуть в холодох, а тут нам навстречу на своем собственном велосипеде крутит начальник почты и телеграфа нашего села Иван Данилыч Кукушкин.

Встретились, раскланялись, разговорились: тыр-тыр-тыр — восемь дыр. Узнал он про мою победу и, вместо того чтобы обрадоваться или что-нибудь такое, усмехнулся и говорит:

— Твой рекорд, Гусев, значения не представляет, поскольку какой-то Приходько из соседнего района имеет на сегодняшний день в полтора раза выше твоего.

— Позвольте, — говорю. — Этого не может быть. Он имел один раз!

— Никакого значения. Имел один раз, а теперь имеет второй раз.

Милый товарищ, что тут со мной стало! Я весь задрожал.

«Ладно, — думаю. — Напрыгаешься ты у меня, Приходько!»

И с этого дня стал я готовиться к высшему мастерству. Осерчал я страшно, а злость в работе, надо сказать, — первая вещь.

Теперь поглядим, милый друг Приходько, кто из нас — казак, а кто — просто так.

Гусев вдруг умолк и замотал головой, точно хотел кого-то забодать. Потом виноватыми глазами посмотрел на жену и жалобно промычал:

— Не пришлось мне радоваться, милый человек, был я опять бит этим товарищем Приходько, неоднократно бит, и в третий, и в четвертый, и в пятый раз. К шестому, дорогой товарищ, я заскучал. Грунечка, ты не обижайся, что я рассказываю всю правду про мою жизнь.

Тогда я решил послать ему письмо: дескать, прибуду я на их село восьмого мая, пускай он меня ждет у первого плетня, что со стороны шоссе от нашего районного центра, есть важный разговор и все такое.

Пришел, милый товарищ, роковой тот срок — восьмое мая. Где грузовиком, где на волах, а где и на собственных прибыл я к этому печальному месту назначения. Добираюсь я до плетня и вдруг... Ноги мои холодеют, и руки мои холодеют, и сердце мое холодеет. Прямо передо мной — кто вы думаете? — девка! Стоит девка у плетня и лущит подсолнухи.

Меня, милый товарищ, и сейчас от одних воспоминаний трясет. Стою я, что в землю вросший, а она разглядывает мою фигуру и спрашивает:

— Это вы меня давеча письмом вызывали?

— Я, — говорю.

— Чего же вам надобно?

А у меня все плывет и кружится.

А дальше... — тут Гусев замотал головой. — Дальше, милый человек, пусть тебе сама Приходько рассказывает.

Он кивнул в сторону смутившейся женщины, но не дал ей сказать ни единого слова.

— Она за меня замуж пошла... Горячая любовь, — продолжал Гусев. — Душа в душу живем. Да не в этом дело. Упряма, милый товарищ, до чего!.. Хотя бы на один шаг от Гусева отстала, так ведь нет: или вровень или впереди его. Уж сколько раз я ей говорил:

— Грунечка, обменяй ты свою фамилию на мою, будут про нас говорить: «Супруги Гусевы».

— Не фамилия, — говорит, — человека крадет, а наоборот.

Ну, а я, конечно, не изверг какой-нибудь, чтобы не соглашаться с таким справедливым фактом.

М. ТЕВЕЛЕВ

ПОСЛЕ БОМБАРДИРОВКИ

(Лондонские мотивы)

Рис. Л. Бродаты

— Милорд очень сожалеет, но приютить вас у себя не может: вы не в вечерних туалетах.

Мнимый незаменимый

ТОВАРИЩ Панталыкин Семен Иванович, заведующий производственным отделом швейной артели «Косошвей», был работником совершенно и окончательно незаменимым. Он много лет работал в артели, пережил, по крайней мере, 12 председателей и 24 заместителей председателя. А сколько за это время сменилось членов правления, лучше и не говорить!..

Семен Иванович сидел на работе ежедневно до двенадцати часов ночи, а иногда — и до двух. Ежемесячно требовали расчета уборщицы, которые не желали в полночь подавать этому беззаветному работнику крепкий чай. Ввиду гомерического размера работы Семен Иванович не стригся полтора года. Волосы его давно уже лежали на воротнике, и дважды он был удостоен на улице такого, не совсем обычного обращения:

— Отец дьякон, как тут пройти до трамвая?

Если в обеденный перерыв сослуживцы заводили разговор о книгах, которые были ими прочитаны, или о спектаклях, кинофильмах, Семен Иванович сообщал своему лицу выражение пренебрежительно-презрительное и демонстративно отворачивался.

— Семен Иванович, — спрашивал кто-нибудь из сослуживцев, — «Тихий Дон» вы читали?

— Это что, Чехова, что ли? — вяло откликнулся Семен Иванович. — Помню, в молодости проглядывал что-то в этом духе. А что?

— Да нет, так, ничего. Хотя книга и не Чехова, а Шолохова.

— Очень может быть. Сейчас вообще, знаете, книжная продукция сильно увеличилась. У меня один приятель работает в издательстве Химсоюза, так он говорит: одних только брошюр по борьбе с грызунами и паразитами в этом году выпущено что-то около ста тысяч экземпляров.

На девятом году своей незаменимости Семен Иванович сидел за своим бюро и, посылно подражая Каю Юлию Цезарю, проворачивал не менее пяти дел в одно и то же время. Семена Ивановича обступили посетители, сотрудники артели; снятая с рычага телефонная трубка урчала и квакала под его рукою, как усмиренный тигр, а Семен Иванович, доступный взору лишь на одну десятую часть своего тела (остальные девять десятых утапалы в бумагах), смотрел ошалевшими глазами мимо всех тех, кто толпился подле его стола.

— Да вы сами-то откуда? — рассеянно спрашивал товарищ Панталыкин, не представляя себе точно, кого он спрашивает.

— Господи боже, да из детских яслей № 71!. С утра я у вас! — истомленным голосом отвечала посетительница.

— Ну, и что вам нужно?
— Слюнявчики нам нужны. Сто семьдесят слюнявчиков. Месяц назад приняли вы заказ, и лимиты на них есть.

Панталыкин, на всякий случай, сказал:

— Ну, и что же?

Тут взгляд его невольно упал на телефонную трубку, которая все еще продолжала квакать и фыркать; он вяло приставил трубку к уху и вяло же сказал:

— Да... да... да... Нет... нет... нет... нет..

Посетительница громко простонала и этим обратила на себя внимание Семена Ивановича. Он уже совсем было намеревался произнести очередное «да», но запнулся и опять спросил у посетительницы:

— Так вы откуда?

— Из яслей я, товарищ Панталыкин!

— А-а... — разочарованно произнес Панталыкин и повернулся к другому посетителю. — Вы тоже из яслей?

— Зачем же? Городская скотобойня меня делегировала...

— Неужели тоже за слюнявчиками? — тихо удивился Панталыкин.

— Какие слюнявчики? Рукавицы. Выпишите вы нам рукавицы?

Телефонная трубка заурчала с такой яростью, что казалось, будто она содрогается от этих звуков. Панталыкин немедленно поднес трубку к уху:

— Одну минуточку, товарищи, я сейчас... Алло! Да... да... Нет... нет... Да... да...

— Семен Иванович, вы мне бумагу подписали?

— Нет... то есть да... подписал... то есть не подписал.

— А нам подпишете?

— Ваши ясли не значатся.

— Какие ясли? Я от скотобойни.

— Это я ясли!

— А что вам нужно?

— Опять двадцать пять! Слюнявчики.

— Слюнявчики? Одну минуточку... Да... да... Нет... нет... И вы из яслей?

— Ничего подобного. Я из 17-й мастерской.

— Слюнявчики?..

И вдруг, раздвигая собравшихся, разделяя их на две стороны, как нож разделяет кусок сливочного масла, у стола Панталыкина появился сам председатель артели. Семен Иванович тотчас же встал, обнаружив среди бумажных заносов, по крайней мере, еще три десятых своего тела. Председатель приблизил свои уста к уху Семена Ивановича с той интимной ласковостью, которая отличает влюбленных в первый месяц романа.

— Тут, понимаешь, с лоскутом получается буза, — вполголоса ответил председатель на безмолвный вопрос Семена Ивановича, — завод-поставщик нас так залимитировал, что придется, понимаешь, тебе самому с'ездить к ним расхлебывать эту кашу.

Лицо Семена Ивановича выразило, с одной стороны, полную готовность вести борьбу с заводом-поставщиком, а с другой стороны, сомнение в целесообразности командировки именно его, столь незаменимого в артели человека. Оба работника, взявшись за руки, отошли в угол кабинета и долго с присвистом шептались. Семен Иванович согласился с тем, что в данный момент, кроме него, ехать некому. Громогласно был дан заказ на одно мягкое место до станции Вихры, и в артели воцарилась паника.

— Как же мы без Семена Ивановича будем? — вопрошали друг друга работники артели. — Шутка ли, шесть дней без Панталыкина! Ведь, за что ни возмись, все же у него в руках.

— В руках бы ничего: в голове!

— Ей богу, придется производство приостановить.

— А что вы думаете? Незаменимый товарищ, ничего не скажешь.

Первые трое суток без Семена Ивановича артель «Косошвей» провела как бы в чаду. Артель лихорадило. Останавливались цеха. Разладилось снабжение. С утра до ночи страшным криком кричали заказчики и контрагенты, которым никто ничего не мог ответить на самые простые вопросы. Но за эти три дня гора бумаг на ореховом бюро Семена Ивановича понемногу стала таять. Уже в бухгалтерии стали отвечать на вопросы, кото-

Рис. Бор. Ефимова

НАКИПЬ

— Где ты познакомилась со своим новым мужем?
— В загсе. На прошлой неделе. Он регистрировал развод со своей третьей женой, а я как раз регистрировала брак со своим вторым мужем.

рые раньше вызывали у бухгалтера недоуменное пожатие плечами и окрик:

— Что ж, вы не знаете, что по этим моментам все сведения исключительно у Семена Ивановича?

Новые заказчики не успевали сердиться, так как с ними разговаривали в порядке строгой очереди и отвечали сразу и внятно. В цехах подача сырья почему-то вдруг улучшилась. И, главное, никто вместо Семена Ивановича не сидел до двенадцати ночи.

Приехал Семен Иванович из командировки около десяти часов вечера. Прямо с вокзала с чемоданами направился в артель, но в артели было уже темно. Уборщица Пелагея Васильевна, по своей инициативе вымыв в тот день полы, вешала уже большой висючий замок на наружную дверь. Семен Иванович чуть не задал уборщицу своими чемоданами, потом опустил чемоданы на пол, вытер пот и, тяжело дыша, спросил:

— А кто вместо меня на работе в данный момент?

— А никого, — спокойно отозвалась Пелагея Васильевна. — Кроме тебя полуночников у нас не водится. И ты, голубчик, езжай лучше домой, помойся, постригись, поспи как следует, а утречком на работу приезжай.

— Много ты понимаешь! «Утречком, утречком!» Отпирай помещение, я пойду почту посмотреть.

— Не отпирай! Завтра придешь, будет тебе почта.

Пелагея Васильевна утиной походочкой пошла к выходу, а Панталыкин еще минут десять стоял, негодуя на неучтивость уборщицы и жалея, что отпустил такси. Потом он поднял свои чемоданы и вышел на улицу.

Вероятно, эта встреча с уборщицей как-то повлияла на Семена Ивановича, потому что утром он уже не с прежней уверенностью появился в помещении артели. И председатель артели, вкусивший за шесть дней радость освобождения от незаменимого, услышав от секретарши, что тов. Панталыкин прибыл, сказал довольно решительно:

— Пускай идет к себе, я его потом вызову.

Панталыкин, ошеломленный такой резолюцией, не сразу пошел к себе, а еще некоторое время пробыл в приемной председателя. В приемную вошел работник отдела снабжения, который вручил секретарше некую бумагу, сказавши при этом:

— Ну-ка, докажите председателю: это — что нам отпустят из кожи на квартал...

Семен Иванович протянул было руку и привычной интонацией попросил:

— Дайте, я ознакомлюсь.

Но вдруг снабженец ответил с наигранным равнодушием:

— А вы здесь причем, товарищ Панталыкин? Насколько я знаю, вопросы снабжения вас не касаются.

Панталыкин, не торопясь, открыл рот и оставался в таком положении 15 минут.

А работник снабжения, выходя из комнаты, пробурчал вполголоса:

— Подумаешь, тоже... Мнимый незаменимый, вот он кто!

Так эта кличка и укрепилась за Панталыкиным. И не только в артели «Косошвей», но и на трех последующих местах работы Панталыкина, потому что из артели он вскоре ушел «по собственному желанию».

В. АРДОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

История города Феодосии еще не написана. Но можно не сомневаться, что рано или поздно это будет сделано, и дети наши или внуки, короче говоря, потомки, будут с интересом и благодарностью читать о том, как рос и хорошел родной их город.

Однако мы себе не представляем, как из создавшегося положения выйдет современный феодосийский летописец, как он скроет от потомков то, что произошло в родном его городе 3 октября 1940 года. А произошло в тот день вот что. В местной газете «Пролетарий» было опубликовано очередное распоряжение исполнительного комитета Феодосийского горсовета за подписью председателя Н. Нескородова. Из этого распоряжения хулиганы, дебоширы, членовредители узнали, что впредь крики на улицах и площадях, ругань, грубость, нецензурная брань, толкание прохожих, оскорбление, нарушение уличного движения будут караться... штрафом в размере 1 рубля.

Нечего говорить о том, как возрадовались феодосийские хулиганы.

Однако летописцу приходится думать не об этих отщепенцах, а о потомках: как ему с ними быть? И рассказать об этом скандале не хотелось бы, и скрыть его тоже не годится: скажут, необъективно, тенденциозно...

Положение, что и говорить, незавидное. Особенно не приходится завидовать Н. Нескородову, автору этой истории.

Рис. Д. Дубинского

— Ваш муж давно известен, как драматург?
— Да уже лет пять, как он ничего не пишет.

Козел отпущения

1

В лесу (так няня в детстве пела)
Старушка бабушка жила.
Та бабка подвижность имела
В лице обычного козла.

Козел был очень осторожным
■ в лес ходить не счел возможным:
В лесу, по слухам, серый волк —
Гурман, в козлах знававший толк.
Был бабушкой серенький козлик любим,
Но бабушку грызла лихая тоска.
Она загорелась желаньем одним:
Хотела иметь от козла молока.

2

У бабки не было таланта,
Был приглашен специалист,
Два аспиранта-консультанта —
Козеловед и козуист.

Для ферм молочных взят директор,
На масло брошен был инспектор,
Инспектор брызгаторю завел.
Так создан был «Союзкозел».
Когда выпускали козла в огород,
То в будке козел получал пропуск,
Был табельщик взят, отмечали приход,
А толку с козла, как с козла молока.

3

Трехлетье треста отмечали,
И час банкета подоспел.
Козел капусту ел вначале,
Потом концерт: Козловский пел
И Козолупова Ирина,
И Козолупова Марина,
И Козин млед, закрыл глаза:
«О, эта черная коза!»
Подвыпивши, козлик беседу завел,
Сказал он: «Довольно валять дурака,
Товарищи, я ж не коза, я ж козел,
С меня молока, как с козла молока».

4

Но вскоре после славной даты
Приказ из центра в трест пришел:
«Продумать сокращенье штатов
Обязан трест «Союзкозел».
И был весьма смущен директор:
По маслу должен быть инспектор,
И брызговик-специалист,
И козловед и козуист,
Бухгалтершу-тетку жена привела,
А табельщик все ж — племянник пока,
Кого ж сократить? Сократил он козла,
Раз толку с козла, как с козла молока».

5

Козел ушел. В лесном завале,
Где волки ждут, клыки горят.
— Вчера в лесу козла давали, —
Волчихи нынче говорят.

И нет козла, но жив директор.
В «Союзкозле» корпит инспектор,
И за листом марают лист
И козловед и козуист.

Не наша вина, если песенка зла,
Но тема ее не взята с потолка.
Доить безнадежно беднягу козла:
Ведь толку с козла, как с козла молока.
Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

ИЗ ЖИЗНИ РЕМБРАНДТА

В журнале «Октябрь» (№ 4—5) напечатана драма в стихах Дм. Кедрина «Рембрандт».

Если верить автору, современники знаменитого художника (действие происходило в Амстердаме с 1635 по 1669 год) выражались так:

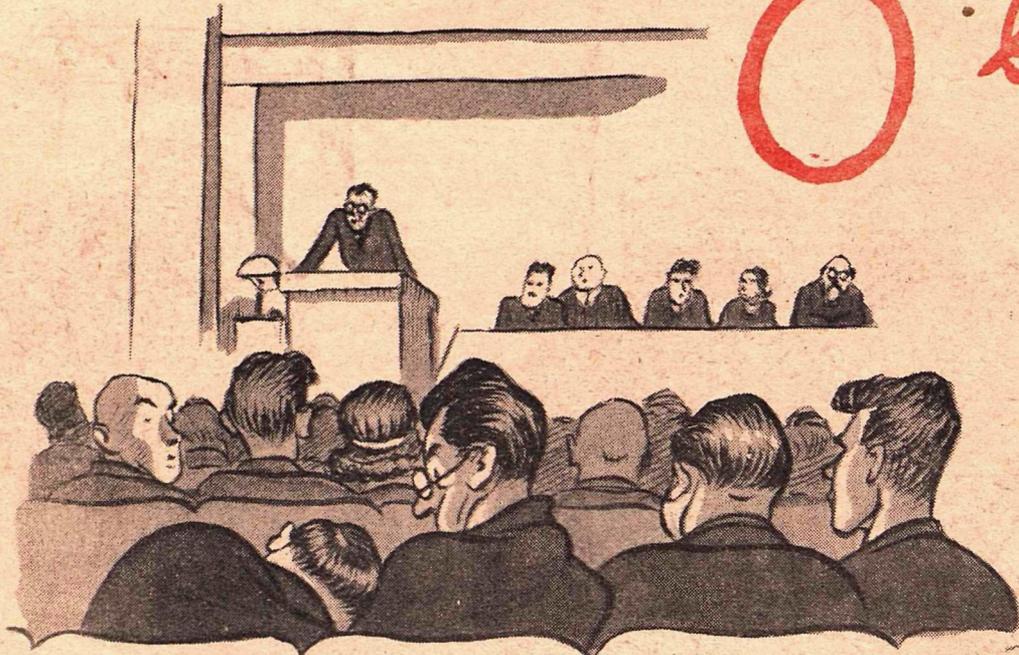
...Но он ловкач, и я ему не враг.
...Мы хорошо заплатим. Я не жила!
...За паршивый групповой портрет
Мы вам дадим по сто флоринов с рьяла!
...Но этот сукин сын...

В свою очередь и Рембрандт старался не отстать от «соседей по квартире»:

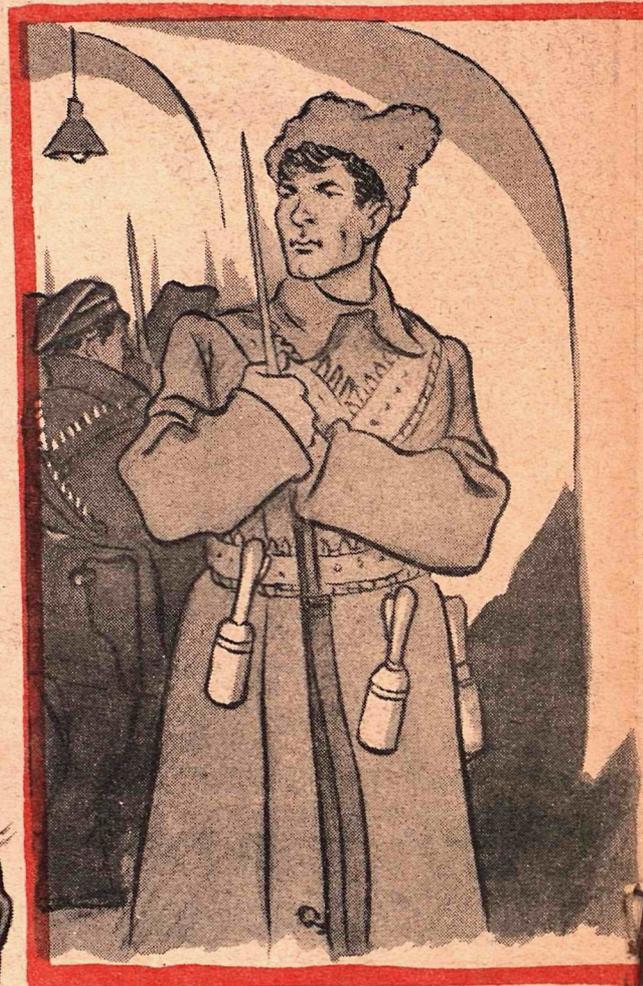
Рембрандт. ...Противно рисовать
халтуру.
...И в смысле выпить тоже был не
квкер.

Стиль XVII века был бы выдержан еще полней, если б автор не забыл случайно такие ходовые амстердамские словечки, как: «на большой палец», «раздавить четвертинку» и т. п.

О воспитании

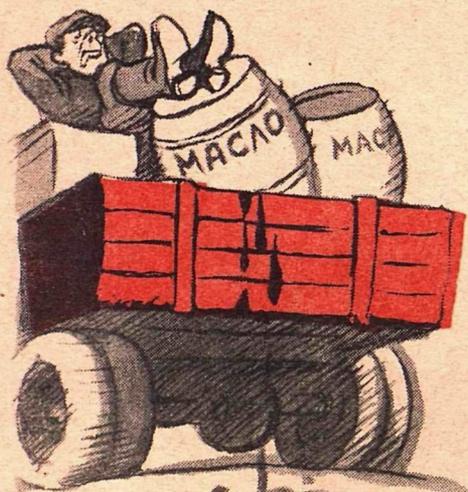

— Почему ты спишь на докладе о культуре?
— Да дома заснуть невозможно: клопы замучили.

1917 г.
ВОСПИТАНИК СМОЛЬ

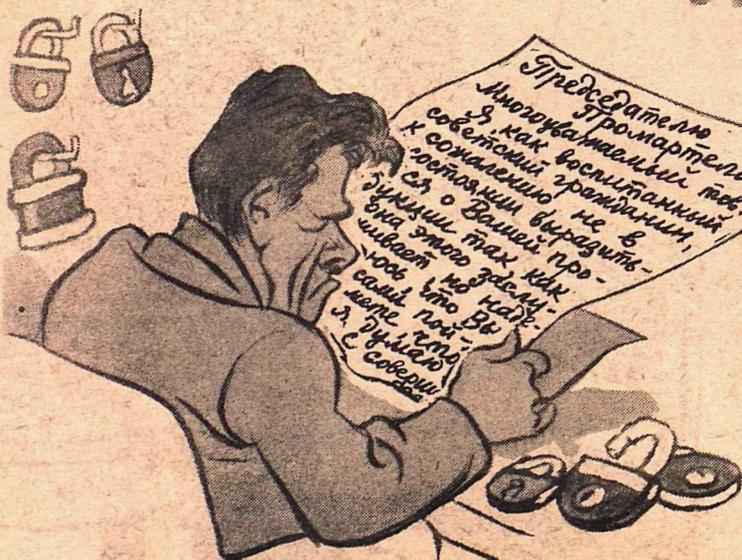
ВСЕ ТЕЧЕТ...

СТАРИКАМ ВЕЗДЕ У НАС ПОЧЕТ
— Нет, уж, пожалуйста, вы садитесь.
Вы все-таки старше.

ДУШЕВНАЯ РАНА
— Эта постановка вле-
тела мне в копеечку!
— Да, я слышал, что у вас
по картине „Сизая птица“
полтора миллиона перерас-
ход.
— Перерасход — пустяки,
вот у меня на с’емке калоши
украли!

С СОБЛЮДЕНИЕМ
ВСЕХ ПРАВИЛ ВЕЖЛИВОСТИ

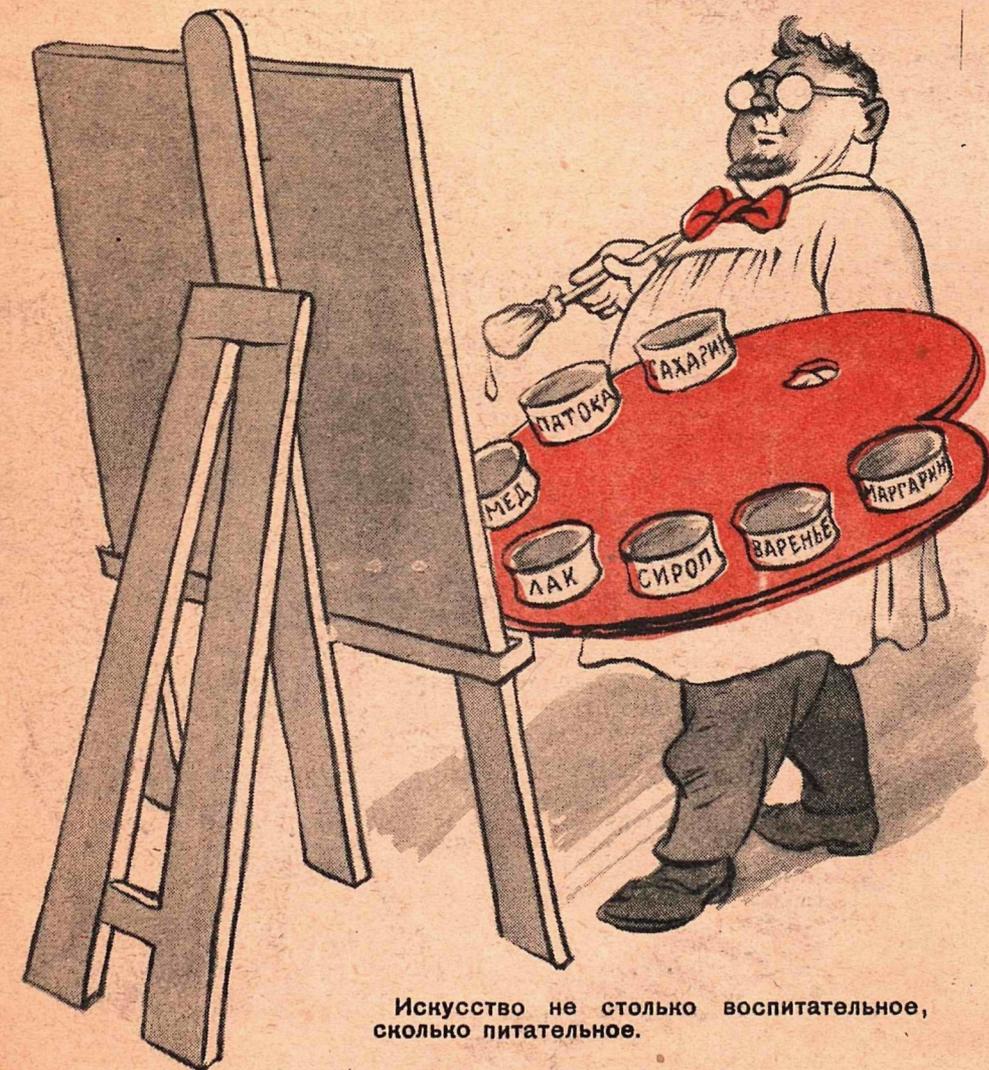
...и следы невоспитанности

хорошем и дурном)

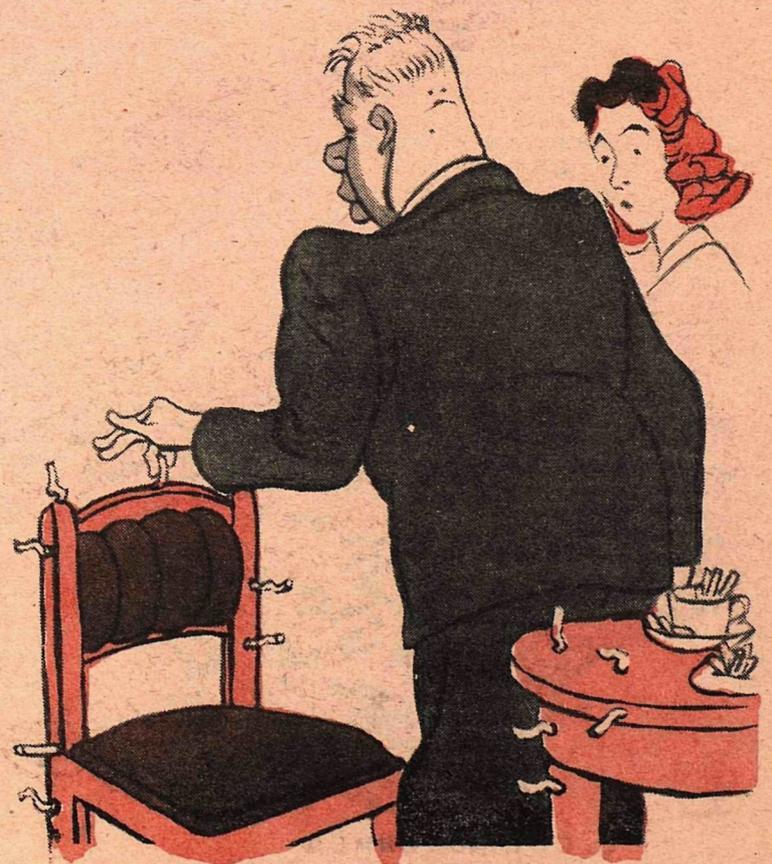
— Смотрите, явно воспитанный человек, а ругается!
— Еще бы! Он воспитан на классических образцах, а смотреть ему пришлось новую пьесу о любви.

1940 г.
НОГО ИНСТИТУТА

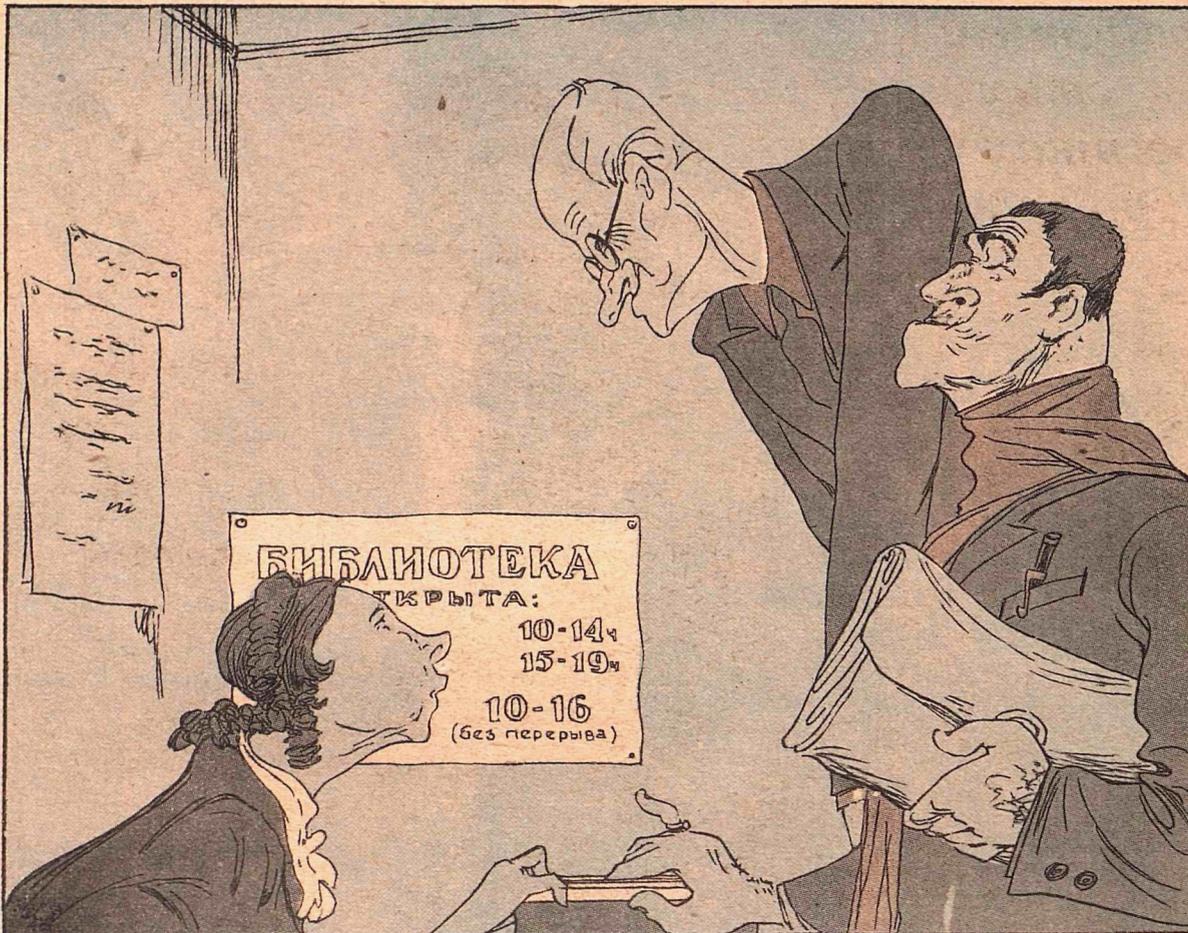

Искусство не столько воспитательное,
сколько питательное.

ХОРОШИЙ ТОН

— Я не так воспитан, чтобы бросать окурки
на пол.

— У вас в библиотеке много классиков?
 — Много.
 — Вот и хорошо. Значит, если их убрать, наша контора как раз здесь и разместится.

Еще о Маяковском

Здесь,
 на небесной тверди
 слышать музыку Верди?
 В облаке скважина.
 Заглядываю
 — ангелы поют.
 Важно живут ангелы.
 Важно.

(В. Маяковский, поэма «Человек»,
 глава «Маяковский в небе»).

ВЛАДИМИР Владимирович перевернулся на бок и, приложив ухо к земле, стал прислушиваться:

«Что за суматоха? Где это так раскричались?»

Странно! Очень странно. Голоса доносятся как будто с улицы Воровского... Да, сомнений нет... Шум на волне Клуба писателей.

Ага! Все понятно. Клубный день. Цирк на сцене. Древнегреческая кухня в ознаменованные юбилея Аристофана. Выступление гипнотизера. Танцы и ужин с работниками угрозыска.

Шум усиливается. Гм... Кажется, о каких-то книжках собираются спорить. О книжках?

Необычайно. Там, в Клубе, все время царит уютная тишина, нарушаемая по вечерам Олешей, звоном тарелок и прочей посуды. И вдруг...

Даже смешно. В Клубе писателей — разговор о литературе!

С чего бы это вдруг?»

Владимир Владимирович еще крепче приложил ухо к земле:

— Ага! Меня, спасибо, вспоминают. Так и есть — обсуждение книг о Маяковском. Вот

как! Любопытно, что они там про меня написали. И все, оказывается, чин-чином — и докладчик и ораторы в прениях. Это очень и очень мило с их стороны. Так хочется знать здесь, на этом свете, что о тебе думают живые люди там, на том свете.

Но тише! Кто-то начал говорить. Говорит солидно. И без регламента:

«Прежде чем сказать о Маяковском, я хочу остановиться на Джеке Алтаузене...»

Проходит пять, десять минут. Все о Джеке и о Джеке. Конечно, это вопрос большой, важный, наболевший. Но почему так много? Что ни говори, а гомеопаты правы: хорошего понемножку...

Слава богу, с Джеком покончено. Что будет дальше?

«Итак, перехожу к Маяковскому. Но тут мне придется сказать несколько слов о Жарове...»

Разделавшись с Жаровым, человек без регламента, возвысив свой руководящий голос, сказал:

«О Маяковском за последнее время...»

Наконец-то! Владимир Владимирович стал внимательно слушать. Оратор продолжал:

«О Маяковском за последнее время написано несколько книг. Но обратите внимание, товарищи, как на данном этапе ведет себя Безыменский!..»

Безыменскому здорово попало. Затем оратор совершил разгром (в двух частях) Суркова и еще нескольких поэтов. А самым «последним из Удэге» оказался Лебедев-Кумач, которого оратор почтил широкой вселенской смазкой.

Владимир Владимирович почувствовал себя несколько уставшим. Программа передачи утомила его.

— Нет, я больше не в силах, я лучше сосну. Как сказал поэт: «Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий». Пусть пользуются. Пусть пользу... Жар... Без... Сур... Шип...

И он задремал.

И слышит он сквозь сон какие-то неясные звуки:

— ...овский, овский...

Он быстро просыпается.

— Ага, кажется, обо мне заговорили.

Действительно, тот же человек без регламента, заканчивая свою речь, сказал:

— Говоря о Маяковском, я должен отметить, что некрасовскую линию в поэзии с успехом продолжают наши лучшие поэты — Твардовский и Исаковский, Исаковский и Твардовский.

— ...овский, овский...

«И кто его знает, зачем он моргает», — подумал Владимир Владимирович. — Да, хорошая строчка из песни Исаковского! Как раз относится к этому оратору.

Затем Владимир Владимирович услышал другие земные голоса. Все оттуда же — с улицы Воровского.

Люди страстно говорили о Шкловском и Гурштейне, о Шкловском и Ермилове, о Шкловском и Кассиле.

Вся эта музыка надоела Владимиру Владимировичу. Он перевернулся на другой бок, задумался, и ему почему-то вспомнились стихи: «...ангелы поют. Важно живут ангелы. Важно...»

Г. Рыклин

В хожденьях выстраданный стих о перекрестках городских

Украшают перекресток
пуговицы в два ряда:
мол, товарищ,
очень просто,
препожалуйте сюда!
— Будь спокоен,
пешеход,—
тут машинный тише ход.
Лихой мотоциклетчик
не сможет
покалечить,
хоть читайте рукопись
между этих пуговиц!
Вы идете,
мы идем,
ходит женщина с дитем.
'Так задумано в проекте,
впрочем,
стань и осмотрись:
лишь заведев штучки эти,
развивают эмки рысь.
На них — в особой ярости —
мчит тихоход двух'арусный!
На пуговицах пеших
трепещет
потерпевший.
Перейдя асфальтный Терек,
человек —
уже истерик.
У кормящих мам — легко
прокисает молоко.
И дитя —
на ручках мамы
бредит пуговными снами.
Так рождается в тебе
отвращение к ходьбе.
И б сказал, кончая стих,
как избранник пеших сих:
— Если пуговица эта —
безопасность мостовой,
пусть дежурит для совета
терпеливый постовой,
пусть объясняет,
убедителен,
нетерпеливейшим водителям,
что этот
пуговичный ряд
был придуман и устроен,
чтоб шагал наш пеший брат
мирно с пешею сестрою.
И пусть начальник перекрестка,
остановив поток,
потом
проводит бережно и кротко
гражданку с маленьким дитем.
Если ж пуговицы эти —
украшение мостовой,
то украсьте и усейте
ими
город остальной.
А так —
какая разница?

Блестят
и только дразнятся!
СЕМЕН КИРСАНОВ

Англичане заканчивают работы по
скрытию перешейки, соединяющего Ги-
бралтар с Пиренейским полуостровом.

Рис. Ю. Ганфа

ФРАНКО: — Караул!.. Режут!

КАК В ЛУЧШИХ ДОМАХ

«Дорогой товарищ!

Просим Вас притти или приехать в авто к 9 часам вечера в своем лучшем модном костюме, чтобы весело и приятно, празднично и радостно отдохнуть в избранном кругу Ваших лучших друзей и товарищей за беседой, чаем, пирожными и всякими деликатессами (вино, шампанское и другие аттракционы)».

Что это? Приглашение на великосветский раут? Или на интимное суаре к маркизе З.? Или на очередной четверг в салоне госпожи К.?

Нет, это только скромный пригласительный билет на праздничный вечер — билет, сочиненный комсомольскими организациями театров имени Шевченко и оперы и балета в Харькове.

Молодцы ребята! Светская жизнь обязывает.

РЫБУ НЕ ЛОВИЛИ, МЕД НЕ ВАРИЛИ

Богат и славен Краснодарский край. Порешили руководители местной заготконторы крайторга перевыполнить план заготовок текущего года, для чего с удвоенной энергией приступили к ловле рыбы, раков и варке арбузного меда.

Стараясь обеспечить четкую и бесперебойную работу, управляющий заготконторой т. Чирков ввел в действие не применявшееся до сих пор боевое средство. Согласно его приказу, всем отделениям края вменилось в обязанность каждую пятидневку представлять телеграфные сводки о выполнении плана на командный пункт — в кабинет тов. Чиркова.

И полетели сводки:

«Туапсе. 20 сентября. Засолено 13/11. Квашенья 15. Рыбу не ловили мед не варили. Туапторг».

«Туапсе. 25 сентября. Засолено 13/11. Квашенья 15. Рыбу не ловили мед не варили. Туапторг».

Пока не успел тов. Чирков запатентовать свое изобретение, решили мы помочь изобретателю своим скромным советом.

Пятидневная сводка — документ, безусловно, абстрактный. Надо, тов. Чирков, проверить свои отделения минимум каждый час. И только тогда вы получите полное представление о том, что происходит на местах. Прошел час, а у вас на столе сводка. Мало ли что за час может произойти! Например: «Туапсе. 30 сентября. 6.00 Засолено 0.00647/760.52. Квашенья 0,76. Рыбу ловили, но так особо ничего не поймали. Карасик один попался махонький, но мы его обратно отпустили. Мед не варили. Силантьев спички унес покурить. Скоро придет. Туапторг».

Вот это конкретно!

Фантастическая история

Рис. В. Анфилова

— Гм! — сказал председатель райжилотдела, прочитав статью в газете.

В статье сообщалось, что в новом доме композиторов забыли положить звукоизоляцию между этажами.

Как ни странно, но это, на первый взгляд стандартное головотяпство сильно повлияло на развитие музыкального искусства.

Один критик, написав оригинальное исследование о маститом композиторе У., отметил разительную индукцию на творчество вышеупомянутого У. всех композиторов, живущих в этом же доме.

При обследовании этого факта выяснилось, что многие композиторы, живущие над квартирой композитора У., имели совершенно одинаковые наборы патефонных пластинок, а также слушали радиопередачи на одних и тех же волнах.

Вскоре начали появляться панические жалобы композиторов на нежелательное соседство, на то, что в таких жилищных условиях трудно предохранить себя от чуждых влияний.

Например один эстрадный композитор публично заявил, что сосед подсунил ему полфуги Баха, что он сам вышеуказанного Баха никогда не знал и не слышал и поэтому все обвинения в плагиате категорически отвергает.

И, уже совсем некстати, один выдавший виды механик, долго работавший над стандартизацией продукции и взаимозаменяемостью деталей, прислал в редакцию пламенное поздравление по поводу того, что 385 популярных песен, выработанных за последнюю неделю в доме композиторов, представляют собой еще недостижимый в технике идеал стандартизации. Особенно поражает полная взаимозаменяемость финалов песен.

Словом, мирная музыкальная жизнь была нарушена. Именно в этот момент упомянутый выше председатель райжилотдела сказал «гм».

— Гм, — сказал председатель райжилотдела, — а что если расселить композиторов через этаж, поместив между ними обыкновенных обывателей?

Без бюрократических задержек идея была проведена в жизнь.

Так как этот эксперимент привлек внимание всей общественности, мы приводим ниже наблюдения психолога, профессора С.:

Расселение, произведенное в доме композиторов, дало исключительные результаты.

Композиторы, будучи прослоены обыкновенными гражданами, неожиданно для себя приблизились к слушающим массам.

Хуже обстояло дело с обывателями. В самом начале никаких злокачественных симптомов у них не было замечено, кроме легких тиков.

У одного инженера, проживающего на четвертом этаже, вдруг сорвался со стенки портрет уже глухого Бетховена, в то время как в нижнем этаже один композитор сочинил свою симфонию № 9-бис.

Вскоре пострадал один славный юноша. Желая использовать свою территориальную близость к производству вокальных новинок, он легкомысленно решил не пропускать ни одной из песен и изучать их на корню, в момент сотворения. Опрометчивое решение вскоре привело к печальным последствиям.

Запутавшись в трех одинаковых песнях, он порвал с любимой девушкой за то, что ее звали Маша, и выехал в неизвестном направлении.

Надо все же сказать, что не все обыватели чувствовали себя плохо от музыкального соседства.

Передаем интервью с гражданином Т.

— Я, — рассказывает Т., — старый рыбак. Зимой я не могу заниматься рыбной ловлей. Для меня это большая потеря. Я спортсмен, ловлю рыбу спиннингом и интересуюсь не столько рыбой, сколько самим процессом ловли. Теперь я наслаждаюсь жизнью. Когда мой сосед сочиняет оперную музыку, я стараюсь поймать в ней мелодию. Конечно, приходится

— Так ты две недели пьянствуешь и не являешься на работу?

— Ну да. Начальник запретил являться в таком виде.

ждать час — два, а иногда уходишь ни с чем, но я старый рыбак и ко всему привык. Бывает, чувствуешь: вот как будто клонуло, видны намеки на мелодию, ее еще нет, это как бы круги по воде. Чаще всего раздается треск (как от трещотки спящего), но вот она появляется, эта мелодия, я ее уже ощущаю, вижу, тяну, подсекаю, хватаю за жабры, но чаще всего она срывается и пропадает.

Не менее оптимистичен рассказ курсанта артиллерийской школы:

— Мне всегда приятно бывать в гостях у дяди. Снизу, из комнаты джаз-оформителя, слышны знакомые звуки разрывов гранат и снарядов. Правда, звуки громче и грубее чем в действительности, но, тем не менее, такая джаз-сюита может принести большую пользу начинающему артиллеристу как учебное пособие. Конечно, если только слушать ее на полигоне.

После всех этих необыкновенных происшествий жители обратились в соответствующие инстанции с просьбой звукоизолировать этажи. Но такая прозаическая, серая просьба, не обнаруживавшая каких-либо глубоких идей и изобретательности, естественно, была оставлена втуне.

Э. РЕД

БЕЗ БОЛИ

В области обезболивания наша наука уже добилась немалых успехов.

Однако, как произвести бухгалтерскую ревизию без боли и неприятностей для ревизуемого, до этого наука еще не дошла. До этого дошел пока только Ф. И. Иванов — руководитель московской артели «Кооперхимия».

Для ревизии дел вверенной ему кооперированной единицы Иванов прибег к услугам ревизора — частного Айзенштадта. Этот последний взялся за гонорар в 2500 рублей учинить Иванову полную видимость ревизии... О чем договаривающиеся стороны заключили между собой «трудовое соглашение».

И все бы было шито-крыто, как вдруг на приглашенного ревизора наскочила непрошенная ревизионная комиссия... Ну, тут, конечно, открылись кое-какие мелочишки в виде преступного разбазаривания государственных средств, грубого нарушения финансовой дисциплины... так что, в общем еще неизвестно, пройдет ли Иванову эта ревизия без боли.

Клопы

«Клопы — это же нетерпимая вещь, это позор, а люди в это время задают себе вопрос: каким должен быть человек при коммунизме, какими свойствами он будет отличаться?»

М. И. КАЛИНИН.

Позвольте откинуть портьеру!
Вот в эту квартиру, к примеру,
Стихом-невидимкой войдем.
Походим, шобродим, побудем,
Присмотримся к видам и людям —
И сделаем вывод потом.

Ужасно скрипят половицы!
А щели! Да в них — провалиться!
Но, к счастью, прикрыл их ковер.
Ковер — я сказал? Извиняюсь!
То пыли столетней пейгауз,
Сплошной, родовой, вековой!

Столовая. Скатерть, тарелки,
Часов неразлучные стрелки.
О мирный пейзаж бытия!
На скатерти некогда белой
Следы отпечатаны смело
Посуды, еды и питья!

Картина повисла в столовой.
Лесок на картине еловый,
Засиженный мухами сук.
Весь угол заткав паутиной,
Старинную дружбу с картиной
Ведет домочадец-паук.

Но что это? Сверху и снизу
По стенам, с карниза к карнизу
Всегда деловито-глупы,
Дородны, почти иоркширы,
Ползут по плацдарму квартиры
Клопы, и клопы, и клопы!

— Постойте! — воскликнет читатель. —
А где же жилья обитатель?
Товарищ! Зовите скорей!
Пусть тряпками, щеткой и шваброй
Пройдется по дому он храбро
От окон до грязных дверей!

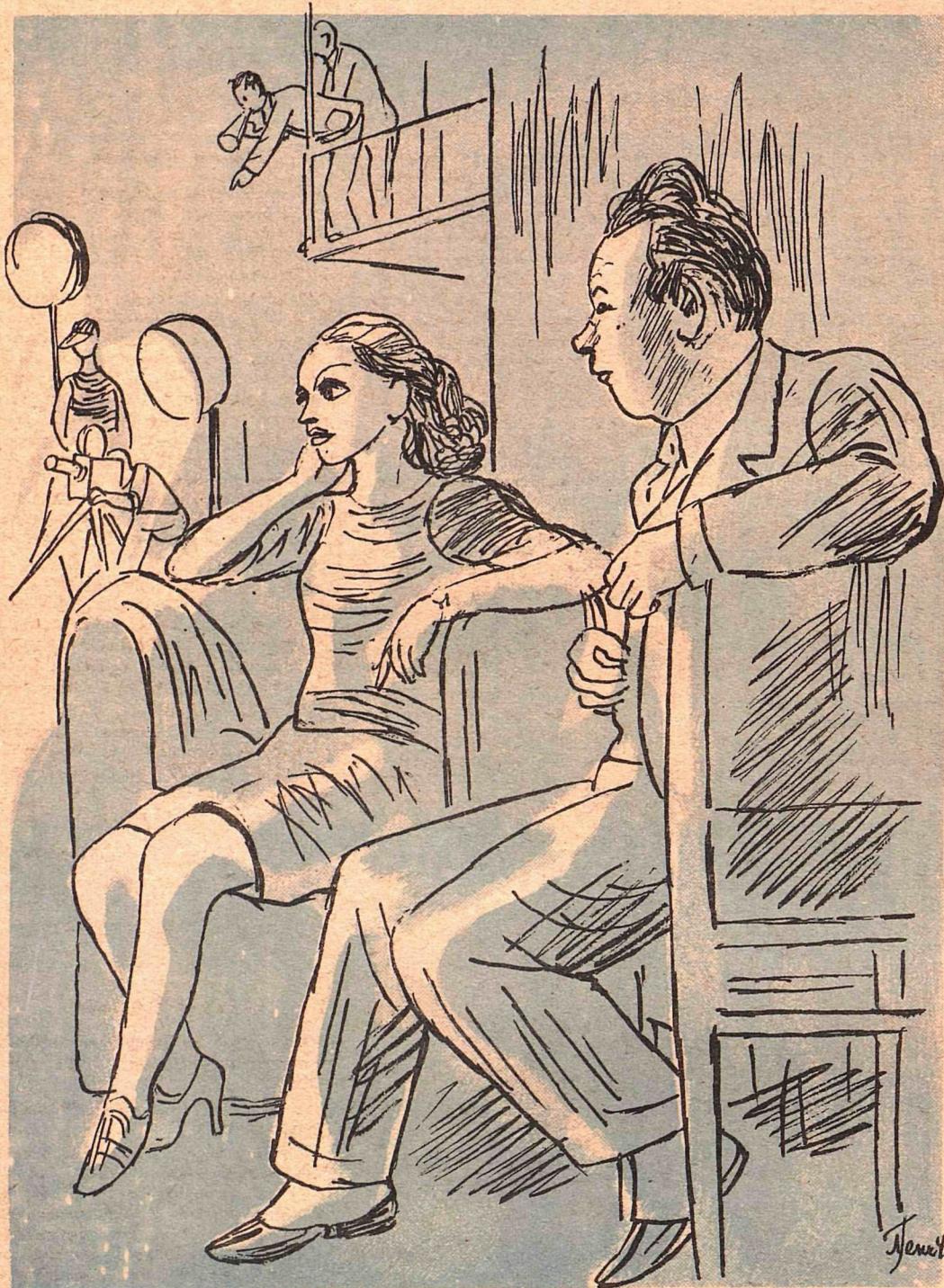
К чему восклицания эти?
Хозяин сидит в кабинете,
Глаза его мыслью горят:
На тему о будущей жизни
При полном уже коммунизме
Готовит он срочно доклад!..

Ал. РОХОВИЧ

Образцы рекламных плакатов

Рис. Н. Радлова

— Когда дело касается самокритики, кино до сих пор продолжает оставаться великим немым.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 86

от 17 сентября 1940 г.

По Хавастской базе ЗАГОТЗЕРНО (Узбекская ССР).

Во изменение моего приказа № 84 от 14 сентября считать снятие меня с должности (приказом Уззаготзерно и Облгаготзерно) недействительным до получения санкции райкома...

На основе вышеизложенного предлагаю, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о единоначалии сверху донизу, всем сотрудникам базы все мои распоряжения выполнять беспрекословно.

Запрещаю кому бы то ни было без моего разрешения делать какие либо договора, наем и увольнение рабочей силы, вскрывать корреспонденцию и т. д. Считать единственным хозяином только меня.

Директор базы ДЕНИСОВ.

Парад бессмертных

НАГЛЯДНЫЙ МЕТОД

Мистический бред. Черносотенные, антисемитские разглагольствования. Разнузданные, похабные объявления.

Что это?

Ничего особенного. Восемь страниц в журнале «30 дней» (№ 5—6 за 1940 год).

Да не может быть!

Вернее: не должно было бы быть! А есть. Целых восемь страниц заняла редакция журнала перепечаткой объявлений из реакционных буржуазных газет, некогда издававшихся в царской России. Для чего? Зачем?

Редакция «30 дней» может ответить: «А для того, чтобы показать, какие гадости печатались до революции». Неужели? Какие изобретательные люди в редакции «30 дней»! По такому методу «наглядности» следует, очевидно, открыть на денек биржу, чтобы показать, какие, дескать, были они, биржевики. И так далее и тому подобное.

Во всяком случае, редакция «30 дней» показала, что она не очень-то разборчива в выборе материала, предназначенного для обнародования.

МИРАЖ В МЕТРО

В том же номере «30 дней» А. Ойслендер пишет в стихотворении «Метро»:

1) «Эта лестница живая — набегают, как волна»; 2) «И несет тебя к платформе, словно к берегу»; 3) «И сюда, как в лес зеленый или на берег речной, ходит юноша влюбленный...»

Из всего изложенного можно заключить, что автор никогда в метро не был. В самом деле: как метро может показаться лесом? Сегодня — лесом, завтра — Кавказским хребтом, а там, глядишь, у алжирского бея под самым носом шишка!

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

А. Пушкин мечтал:

«Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...»

С. Щипачев («Новый мир» № 8, 1940) мечтает:

«Пускай умру и вновь летят года,
Но весь я не исчезну никогда».

Для чего А. Пушкин мечтал о бессмертии? Вот для чего:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...»

С. Щипачеву бессмертие нужно для более скромных целей:

«Полями девушка пройдет босая,
Я востепенусь, преодолевая тлен,
горячей пылью ног ее касаясь,
ромашкою пропахших до колен».

Поистине! к а ж д о м у — свое!

ЗОЯ КАБУЛЬ

ЗАКОННИК

Зам. прокурора Мижояновского района, Остяко-Вогульского округа, Омской области, тов. Шадрин рассуждал так:

— Я не могу судить сторожа Кондинского сельпо Цыганова за прогул. Разве он гулял? Нет! Он спал! А слово «прогул» происходит от слова «гулять».

Так юридически тонко подошел Шадрин к проблеме сна и зафиксировал свои ценные мысли в официальном отношении:

«Цыганов прогульщиком не является, он спал только два часа, и по указу он не может быть судим».

Когда же Цыганов, не дожидаясь решения своей участи, скрылся, Шадрин заявил:

— Вот теперь он не спит, а гуляет. Стало быть, прогульщик!

И стал судить Цыганова заочно. До чего тонкий юрист!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Ходжейлинский совет Осоавиахима обратился в наш райпотребсоюз с официальной просьбой отпустить «для поделки приманки по борьбе с амбарными вредителями 20 килограммов сахарного песка, 80 килограммов 85-процентной муки и 5 килограммов масла».

Как назло у нас оказалась только 96-процентная мука, и мы не знали, можно ли произвести замену без ущерба для здоровья амбарных вредителей.

К тому же нам кажется, что для полного ассортимента приманки следует добавить еще несколько литров столового вина, 12 килограммов русско-швейцарского сыра и 5 банок клубничного варенья.

Посоветуйся, пожалуйста, со специалистами и сообщи нам свое заключение.

МОЛОДИН,

заместитель председателя правления райпотребсоюза

Ходжейли,
Кара-Калпакская АССР

Товарищ Крокодил!

Если тебе или кому-нибудь из твоих друзей необходимо обеспечить себя жилплощадью, — потеряйте что-нибудь в районе Киевского вокзала в Москве и о пропаже заявите в отделение милиции Киевского вокзала — и все будет в порядке. Не веришь? Факт, как говорится, налицо.

В Москве, на Киевском вокзале, у меня был похищен диплом об окончании Воронежского педагогического института. Об этом я подал заявление начальнику милиции вокзала и уехал к себе на родину. Спустя некоторое время я получил из милиции следующее извещение: «На ваше заявление от 8/Х с. г. сообщаем, что можете приезжать, жилплощадью будете обеспечены».

А мне жилплощадь в Москве не нужна. Что же делать?

М. КОСТЫРИН

с. Вейделевка,
Воронежской обл.

Дорогой Крокодил!

Спешу тебе сообщить, что на проклятый вопрос, как избавиться от мух, пролит, наконец, нужный свет.

Минувшим летом Чухломский район оказался до чрезвычайности замушенным. Несметные полчища мух завладели районом. Они хозяйничали в домах, магазинах, буфетах. Местная аптека еще в июне затребовала от Ярославского аптекоуправления присылки липкой бумаги — из этого ничего не получилось. Местный санинспектор охрип от криков, но тоже ничего не добился. Областная санинспек-

ция вмешалась в дело, и тоже тщетно.

Но вот в конце октября из областного центра в адрес чухломской аптеки прибыло несколько ящиков. Их открыли. В них оказались долгожданные листы липкой бумаги...

В тот же день в городе и во всем районе мух не стало... Не знаю, то ли они от испуга перешли или тут октябрьские морозы сказались, но только мух не стало. Это факт, а не реклама.

Малюверы и скептики могут убедиться на собственном опыте. Если их в июне станут донимать мухи, рекомендую об этом написать Ярославскому аптекоуправлению — можно не сомневаться, что в декабре ни одной вредной твари они у себя не увидят.

А. КИСЕЛЕВ

г. Чухлома.

Дорогой Крокодил!

Я хочу порекомендовать любителям туризма увлекательное путешествие: от станции Соль в Донбассе до пристани Городовка на реке Соже. Примерный маршрут таков.

С. ДУБРОВСКИЙ

Днепропетровск

Рис. В. Баженова

Ленинград.

„К ее ногам упал Евгений“

Этой строчкой Пушкин хотел лишь раз подчеркнуть, что некоторые управдомы не посыпают песком обледеневших тротуаров.

А. ФЕДОРОВИЧ

г. Туапсе.

Дорогой Крокодил!

Уполномоченный Металлургиздата в Ленинграде Янсон и редактор Румм в специальном письме так определили задачи издательства на новый год:

«Издательство особое внимание уделяет к обмену опытом между отдельными предприятиями по достижениям в металлургической промышленности. Особо подчеркиваются в издаваемой литературе выдающиеся достижения отдельных стахановцев. Стараясь подытожить замечательные образцы, опыт и метод работы, подвести под ними научно-техническую базу. При этом в издаваемой литературе сохраняя стиль и выражения самых авторов».

Долго я ломал себе голову над тем, почему это книги, выпускаемые ленинградским Металлургиздатом, так резко отличаются от прочих изданий каким-то особым стилем, не признающим ни грамматики, ни синтаксиса.

Теперь же, прочитав письмо гг. Янсона и Румма, где «сохранены стиль и выражения самых авторов», мне все стало ясно.

Н. ГУДЦОВ,

академик

Дорогой Крокодил!

Зная, что ты любитель редких манускриптов, посылаю тебе этот уникум:

«Уваж. т. Цыбульский и Василий Васильевич!»

Передаю через брата мой заказ. Прошу выполнить. Также отпечатайте 2 линовальных книги на 200 листов. Вам в благодарность могу помочь только цементом. Если еще что нужно, звоните по телефону. Буду весьма благодарен. Жму руки».

Даю нужные пояснения. Цыбульский — это технический директор издательства «Курортной газеты» (Сочи), а Василий Васильевич Шаронов — заведующий столом заказов того же издательства. Что касается фамилии автора записки, то сообщить ее, к сожалению, не могу: подпись неразборчива. Однако из заказа, который был приложен к манускрипту, я узнал, что заказчик — уполномоченный Ростовской на Дону межобластной конторы Главнаба Наркомпищепрома.

Если не ошибаюсь, это о таком «стиле» работы говорится — «рука руку моет и обе грязными остаются»...

А. ФЕДОРОВИЧ

г. Туапсе.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во „Правда“

Рукописи не возвращаются

А34055. Москва. Изд. № 1169. Сдача текста и рисунков 17/Х1 1940 г. Подписано к печати 27/Х1 1940 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3914. Тираж 271 000 экз.

039

- 25304 ✓

Рис. Л. Генча

— А наш-то Вася! Уж какой воспитанный молодой человек,
а не хочет уступить нам, старикам, первое место.

	Период и серия	„Лет исчисл.“	„Журн. лет“
Получ. в р.	4/11		
	4/11 4/11		